

шорты

Л.Е.Бляхер, А.В.Ковалевский
ЧТО ЭТО БЫЛО?
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ
О ХАБАРОВСКИХ МИТИНГАХ

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Андрей Владимирович Ковалевский — аспирант Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: fakzy79@gmail.com.

Аннотация. Хабаровский протест, неожиданно оказавшийся в центре внимания мировых СМИ, а затем оттесненный на периферию информационного пространства, продолжается уже несколько месяцев. Предсказания о его затухании упорно не желают сбываться. Пусть уже не десятки тысяч, но тысячи горожан выходят на площадь. Более того, сохраняется и разлитое в воздухе напряжение, неопределенность, недовольство. О Хабаровске написаны десятки статей и множество репортажей, вышел даже полнометражный документальный фильм. Тем не менее остается вопрос: почему население города, не одно десятилетие предпочитавшее дистанцироваться от любых инициатив власти, вдруг разом перешло к стратегии протеста? Что в этом сугубо хабаровского, а в чем нашли проявление гораздо более общие закономерности? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Рассмотрев основные грани развертывающихся в Хабаровске событий, Л.Бляхер и А.Ковалевский приходят к заключению, что речь идет о важнейшем политическом феномене — становлении политической субъектности населения, долгие годы низводившегося до положения объекта. В случае Хабаровска осознание себя в качестве политического субъекта пришло к жителям по итогам протестного голосования 2018 г. В этой ситуации экс-губернатор Хабаровского края начал осмысляться не столько как хороший — или не очень — руководитель, сколько как символ обретения такой субъектности, ставшей ключевым элементом региональной идентификации, конституирования местного сообщества. Именно поэтому его арест был воспринят жителями края как личное оскорбление. И именно свою идентичность они и защищают на улицах Хабаровска.

Ключевые слова: политический протест, Дальний Восток, Хабаровск, политическая субъектность, региональная идентичность

Возвращение политики в России становится все более очевидным, наблюдаемым фактом. Причем возвращается она отнюдь не как привычное движение политических лидеров, но как массовая активность граждан. За последние годы мы стали свидетелями стремительной политизации экологического движения в Шиесе и Уфе¹, митингов в Москве, на Северном Кавказе², в Екатеринбурге, да и множества других выступлений, не попавших в поле зрения мировых и всероссийских СМИ. Различаются причины протестных действий, их протекание, длительность и интенсивность. Различна и политика властей по отношению к митингующим.

Вместе с тем, несмотря на все различия, неизбежные в огромной и очень разной стране, в выступлениях 2018—2020 гг. есть общее, отличающее их и от митингов эпохи перестройки и постперестройки, и от митингов 2011—2012 гг.³ Если сравнивать с протестами конца 1980-х — начала 1993 годов, то в глаза бросается отсутствие явных лидеров. Место «прорабов перестройки» на трибуне и Бориса Ельцина на танке не просто оказывается вакантным — этой роли даже не предусмотрено. И если в акциях 2011—2012 гг. еще были попытки сыграть такую роль, занять это место, то в последние годы протест все заметнее превращается в движение возмущенных горожан⁴, не нуждающихся в руководстве. Меняется и социальный портрет протестующих, особенно в нестоличных городах. Разумеется, привычные активисты не покинули улицу, но они утратили большинство, перестали определять лицо протеста. Сегодня в составе его участников все больше людей, традиционно относимых к путинскому электорату⁵. В классической работе Альберта Хиршмана описываются три возможные стратегии политического поведения — лояльность (поддержка власти), выход (дистанцирование от нее) и голос (открытый протест)⁶. Практически весь постсоветский период политический опыт входящих в путинский электорат групп сводился к колебаниям между стратегиями лояльности и дистанцирования. Свои проблемы представители этих групп предпочитали решать даже не в пространстве властных структур, а между ними, в «серых зонах», причем, как правило, в индивидуальном порядке⁷. Но именно этих людей мы видим сейчас на протестных акциях.

Можно, конечно, предположить, что «холодильник победил телевизор»⁸ и резкое снижение уровня жизни просто вытолкнуло лояльных и молчаливых на улицу. Вероятно, отчасти это предположение справедливо. Но лишь отчасти. Заметим, что ни в одном массовом протесте последних лет привычные экономические требования не были ведущими, если вообще выдвигались. Так что, по-видимому, дело здесь не только в снижении уровня жизни, и причина происходящего имеет гораздо большее отношение к политике, чем к «холодильнику» per se. Выявить эту причину мы попытаемся на материале одного кейса — вроде бы сугубо локального и мало похожего на то, что мы наблюдаем в других местах, но, как представляется, типичного для страны. Речь идет о хабаровских протестах.

¹ Чмель, Климова и Митрохина 2020.

² Кильдюшов 2019; Хайкин и Попов 2012.

³ Соколова, Головина и Семирянова 2012.

⁴ Чмель, Климова и Митрохина 2020.

⁵ Никифоров 2018.

⁶ См. Хиршман 2009.

⁷ Бляхер 2017.

⁸ <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kholodilnik-pobedil-televizor-rossiyane-ustali-ot-propagandy-voyny-1028242355>.

В одном из самых политически спокойных городов страны, где с 1991 г. акции ни правых, ни левых не собирали даже нескольких сотен человек, а массовыми были только парады и праздничные шествия, вот уже несколько месяцев не прекращаются митинги в защиту бывшего губернатора края. Люди, прежде не замеченные в какой-либо политической активности, жившие своей вполне приватной жизнью, вдруг вышли на улицы. Напротив, все персоны и структуры, которые принято считать политическими (депутаты, партии, органы государственной власти) старательно отстранились от политической деятельности. На короткий миг события в городе, удаленном от всех мыслимых центров, вошли в актуальную повестку дня не только страны, но и мира. Впрочем, так же быстро они из нее выпали, заслоненные событиями в Белоруссии, выборами в США и т.д.

Тем не менее уже без «мирового внимания», без толп корреспондентов самых разных изданий митинги продолжаются. Пусть уже не десятки тысяч, но тысячи горожан выходят на площадь. Более того, остается и разлитое в воздухе напряжение, неопределенность, недовольство. Что это? Почему население территории, не одно десятилетие предпочитавшее стратегию дистанцирования от любых инициатив власти, вдруг разом перешло к стратегии протеста?

Сразу отметим, что митинги в Хабаровске, да и вся сложившаяся ситуация, как и любое политическое событие, имеют несколько граней. Какие-то из них связаны только со спецификой территории. Далее мы постараемся хотя бы обозначить эту многогранность. Конечно, мы будем говорить о том особенном, что вывело людей на улицу. Но, как мы попытаемся продемонстрировать, во вполне локальном протесте, вызванном местными причинами, есть то, что объединяет все упомянутые выше политические феномены последних лет.

При решении этой задачи, помимо обсуждений в социальных сетях и мессенджерах, публикаций в СМИ, видеорепортажей и т.п., мы будем опираться на серию неформализованных интервью с хабаровчанами — постоянными участниками митингов (6 интервью), государственными служащими (2 интервью), политиками регионального уровня (2 интервью) и «нейтральными» жителями города (2 интервью). При описании и интерпретации ситуации на Дальнем Востоке будут использованы также интервью, собранные нами ранее. Понятно, что этот материал не обеспечивает полной репрезентативности, но более или менее внятную картину реальности он получить позволяет. Мы не ставим перед собой цель зафиксировать успехи и просчеты протестующих. Нас интересует ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи: что это было? Что в этом сугубо хабаровского, а в чем нашли проявление гораздо более общие закономерности?

**Грань первая:
цепочка событий
лета 2020 г.**

⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=ee4rky8yjms>.

¹⁰ *Гурин 2020.*

Начнем с «особенного» — с описания событий, происходящих в одном из удаленных региональных центров страны. 10 июля 2020 г. был задержан и вывезен в Москву губернатор Хабаровского края Сергей Фургал. Задержание проводилось в стилистике современных боевиков, с привлечением ОМОНа в масках и с автоматами. Кадры «боевика» транслировались в федеральных новостях и социальных сетях⁹. Официальное обвинение — участие в организации убийства предпринимателя Евгения Зори в 2005 г. Казалось бы, все было сделано, как обычно. Не первого губернатора сажают в последние годы. И технология процесса устоялась. Показательное (и показанное) задержание фигуранта, выступление представителя Следственного комитета, раскрывающее страшные подробности дела¹⁰. Активная кампания в СМИ с муссированием деталей из числа раскрытых Следственным комитетом подробностей, призванная обеспечить должный уровень поддержки и понимания действий власти и силовиков. Ну и после небольшого шума в социальных сетях — благодатная тишина. Но на этот раз что-то пошло не так.

11 июля 2020 г. жители города вышли на центральную площадь. Несанкционированный митинг, где, по официальным данным, присутствовало чуть более 3 тыс. человек, а по неофициальным — десятки тысяч, выдвинул неожиданные (во всяком случае, для организаторов спецоперации) требования: возвращение Фургала в Хабаровск, открытый процесс, допуск к участию в нем всех сторон, суд присяжных. Здесь объяснение достаточно простое. Население города не поверило ни Следственному комитету, ни СМИ. Даже тяжесть обвинения (не привычная коррупция, а организация убийства) не сказала на уровне доверия.

«Понимаешь, какое дело. Я же жил тогда. И с головой у меня было все в порядке. Зоря, которого типа „заказал“ Фургал, был в то время куда круче. Тот — мелкий предприниматель. А этот считался серьезным, как говорили, „уважаемым“ человеком. Ну, ты „Крестного отца“ смотрел? Вот. Это как если бы терпила из итальянского квартала заказал крутого мафиози. Например, самого дона или кого-то близкого. Конечно, в жизни все бывает. Но выглядит фантастикой, сказками» (мужчина, 54 года, участник митингов).

«Я не понимаю. Фургал избирался в ЗакС, в Госдуму. Их там всех проверяют как будьте-нате. Когда он в губернаторы выдвигался, тоже проверяли. И ничего не нашли. А теперь вот решили, что нужно посадить. Очевидно, что это месть. И не только Фургалу. Всем нам, хабаровчанам» (женщина, 37 лет, участница митингов).

Необычным здесь было не столько само недоверие к силовым структурам и следственным органам, сколько факт выхода на протест «за губернатора». Отрешение от должности глав регионов, обвинения и аресты с реальными тюремными сроками уже перестали быть чем-то диковинным. Но до сих пор какой-либо массовой реакции они не вызывали. Даже задержание и помещение под домашний арест в 2019 г. популярного в 1990-е годы хабаровского регионального лидера Виктора Ишаева по не менее странному обвинению прошли вполне спокойно.

Во всяком случае, ответа в виде прямого протеста не последовало. Это воспринималось как безусловно грязная, но вполне далекая от жизни населения игра в верхах.

Теперь же все было иначе. То, что жителям края нанесли личное оскорбление, ощущалось в каждом выступлении, в каждом посте в соцсетях. Участники стихийного митинга решили (опять же без явного лидера, без организационной структуры) выйти в ближайшую субботу на центральную площадь «кормить голубей». Мем «кормить голубей» мгновенно распространился в местных группах социальных сетей. Люди собирались идти «кормить голубей». Альтернативных мнений было немного.

«Я сразу решила, что выйду „кормить голубей“. Пусть делают что хотят. Люди устали молчать. Ну посудите сам, мы взяли и выбрали себе губернатора, хоть какого-нибудь, главное — не из этих. А они взяли и решили, что так не пойдет, плевать нам на то, что они там думают, приедем и заберем, захватим обратно власть. А мы чего? Должны просто дальше сидеть? Нет, так не пойдет, вот мы и вышли требовать своего» (женщина, 37 лет, участница митингов).

Реакция на митинг была столь же неожиданной, как и сам митинг. Сначала его попытались не заметить. Подавляющая часть местных СМИ, не говоря уже о федеральных медиа, на митинг не отреагировала. Ни один представитель местной и тем более федеральной власти к митингующим не вышел. Правда, ожидавшихся и тоже уже привычных задержаний участников не последовало. Полиция присутствовала. Но в условиях полного молчания властей только присутствовала. Определенный резонанс событие получило лишь в социальных сетях.

Возможно, предполагалась, что это разовая акция, которая не будет иметь продолжения. Но ситуация развивалась иначе. Молчание власти было воспринято митингующими как оскорбление, причем нанесенное публично. И в следующую субботу, 18 июля, по словам одного из респондентов, «вышли все». В марше, завершившемся митингом у здания краевого правительства, участвовали уже многие десятки тысяч — и это в городе, население которого едва превышает 600 тыс. человек. На этот раз корреспондентов и видеоблогеров было откровенно много. Обсуждения в социальных сетях, а также менее массовые акции в будние дни сделали свое дело — о протесте узнали за пределами края. Не замечать его стало очень сложно. Накануне протестной субботы по местному телевидению наконец-таки выступили депутаты и руководители ряда предприятий. Но выступили они не по той повестке, которая вывела на улицы горожан, а с призывом «не выходить» ввиду опасности распространения коронавируса. Это тоже было расценено протестующими крайне негативно — как предательство.

«А как мне это нужно понимать? Заболел я? Обо мне заботятся? Ни на минуту не поверю. Они не за меня, они за свое кресло держат, держатся до последнего. Мы голосовали за ЛДПР. Выбрали их. Где они? На площади? Никого нет. Их толпа. А с нами только

¹¹ *Депутаты, вышедшие в знак протеста из ЛДПР.*

Емельянов и Каян¹¹. По кабинетам спрятались. Предатели они. Наше доверие предали» (женщина, 34 года, участница митингов).

¹² <https://www.kommersant.ru/doc/4423960>.

Еще большее возмущение вызвали слова мэра Хабаровска Сергея Кравчука о том, что люди выходят на улицу за деньги. И хотя позднее Кравчук отрекся от этих слов¹², его отставка стала одним из постоянных требований протестующих. Собственно, реакция власти и провластных СМИ в первые недели митингов была канонической. Митинги объявлялись происками внутренних или внешних врагов, а их участники — либо «пьянью», решившей побузить, либо проплаченными агентами этих самых врагов. Ту же позицию отстаивали и местные чиновники. Не все, но наиболее лояльная часть.

«Сейчас то, что происходит, изначально это психология толпы. Не бывает ничего стихийного, как бы нас ни убеждали. Любое мероприятие подготовлено. В нашей ситуации все очень хорошо подготовлено» (государственный служащий, 43 года).

Впрочем, учитывая множество репортажей и прямых эфиров с места событий, подобный подход оказался не особенно эффективным. Протестующие просто выгоняли с митингов как пьяных, так и провокаторов, убирали за собой площадь, прекращали акцию в 22.00. Словом, даже решившись на протест, они старались вести себя максимально лояльно.

Митинги продолжались, лозунги становились все более радикальными. Молчание власти выступало постоянным раздражающим фактором, не позволявшим протестам пойти на спад. Более того, протест начал расширяться. Из Николаевска-на-Амуре, Чегдомына, Бикина и других городов и поселков края люди ехали в Хабаровск на митинг. В Комсомольске-на-Амуре прошли собственные протестные акции. Мэр города (единственный из чиновников) вышел к протестующим, солидаризировавшись с их требованиями¹³. Акции в поддержку Хабаровска состоялись и в других городах. Но если в Хабаровском крае в условиях безвластия и массовости протестов полиция вела себя вполне дружелюбно, то в других субъектах РФ реакция была стандартной — задержания, протоколы, штрафы.

¹³ <https://www.rbc.ru/society/25/07/2020/5f1bdc039a7947c8db1a4844>.

Как бы то ни было, люди в Хабаровске вновь и вновь выходили на митинги. В будние дни протестующих было относительно немного (десятки, максимум сотни человек). Основные события происходили по субботам, когда на площади перед зданием правительства собирались тысячи и десятки тысяч горожан.

В последнюю декаду июля период безвластия закончился. В город прибыл член Высшего политсовета ЛДПР депутат Государственной Думы Михаил Дегтярев, назначенный президентом врио губернатора. Возможно, это решение было обусловлено тем соображением, что край, отдавший предпочтение ЛДПР не только на губернаторских, но и на иных региональных выборах (партия получила подавляющее большинство в краевом парламенте, думах двух крупнейших городов и в большей части муниципалитетов), легче примет губернатора-жириновца.

Вполне вероятно, правда, что назначение Дегтярева просто стало результатом межэлитных игр. Строить гипотезы можно сколь угодно долго. Применительно к рассматриваемой нами ситуации гораздо важнее, как это назначение восприняли сами хабаровчане, точнее, их протестная часть.

«Нет, ну ты посмотри. Взяли и прислали клоуна. Просто клоуна. Как я это должен понимать? Мы выбрали губернатора. Они его просто посадили. Не нравился он им. А нам теперь этого Дегтярева прислали. Типа это вам наша ответочка за митинги. Он вам всем 500 рублей на холодильники повесит» (мужчина, 47 лет, участник митингов).

«Не знаю, может быть, Дегтярев хороший. Я с ним детей не крестила. Но нам его прислали. Прислали те, кто забрал Фургала. Мы за него голосовали, за Фургала, а они его забрали и прислали этого. Это просто такое открытое хамство нам всем в лицо» (женщина, 34 года, участница митингов).

После прибытия врио, который тоже решил с митингующими не встречаться, начались точечные репрессии по отношению к самым «громким» участникам протестных акций, а также к корреспондентам, прибывшим на освещение митингов. Но обнаружилось, что лидеров, изъяв которых можно обезглавить протест, просто нет. У стихийного движения не было и нет общих лидеров. Есть более или менее активные, более или менее креативные. Можно вывести из игры микрогруппы, но особого влияния на ход событий это не оказывает. Похоже, что действия власти (силовики, каких-то иных заинтересованных лиц) заделали если не каждого жителя края, то существенную их часть.

Прошло уже несколько месяцев со дня приезда Дегтярева в Хабаровск. Появилась первая его инициатива — о создании Народного совета, но она не встретила особой поддержки. Митинги продолжают. Впрочем, интерес к ним со стороны столицы и большей части СМИ заметно снизился. Возможно, причина в том, что к протестному Хабаровску, сменившему сонный, лояльный, купеческий, чиновный Хабаровск, попросту привыкли. Ну есть такой город в России, где по субботам собираются жители и ругают власть. Да и сама власть смирилась с митингами как с данностью, надеясь на холодную зиму, когда митинги сами прекратятся.

Но есть и иные обстоятельства, понизившие интерес внешних наблюдателей (доброжелателей и недоброжелателей) к хабаровским митингам. В момент наивысшей их популярности, когда в мировой прессе ежедневно появлялись два-три материала о Хабаровске и его жителях, каждая группа внешних наблюдателей пыталась найти в митингующих своих сторонников или, на худой конец, подтверждение собственных представлений. В митингах видели то начало «пробуждения России», то «голос глубинного народа», то что-то еще¹⁴. Но хабаровские митинги, как и само протестное состояние, упорно не встраивались в привычные схемы. Несмотря на все более радикальные лозунги и постоянные

¹⁴ Васильева 2020. Кстати, аналогичные тенденции можно проследить и по отношению к протесту в Шилесе (см. Никитина 2019).

обращения ко всей России, они оставались (и остаются) феноменом именно хабаровским, дальневосточным. И здесь всплывает вторая грань происходящего — так называемое ускоренное развитие Дальнего Востока в восприятии самих дальневосточников, которых «ускоренно развивают» с 2008 г., то есть уже более 10 лет.

**Грань вторая:
наш выбор**

В 2018 г. недовольство, долго назревавшее в регионе, особенно в двух крупнейших его городах, прорвалось. В Приморье и Хабаровском крае, несмотря на применение всего арсенала электоральных приемов власти, первый тур губернаторских выборов не выявил победителя. Более того, и в одном, и в другом случае поддержанный властью кандидат немного отставал от конкурента.

¹⁵ *Ионова 2017.*

Казалось бы, Дальний Восток уже почти десятилетие находится в центре государственного внимания, и инвестиции в него едва ли намного уступают тем, что направляются в Крым или Чечню¹⁵. На фестивалях «Дни Дальнего Востока в Москве», в ходе Восточных экономических форумов, в отчетах профильного министерства рисуются радужные картины стремительно развивающейся территории, все более успешно осваиваемого пространства загадочной Восточной Азии.

¹⁶ *Ларин 2018.*

Периодически раздававшиеся голоса, указывавшие, что не все так гладко «в датском королевстве», списывались на традиционное «дальневосточное нытье», которое, конечно, имело место¹⁶. Но было и нечто иное. Вложения в регион соотносились с жизнью его населения не особенно тесно — во всяком случае, совсем не напрямую. Не только мультиэффекты, но и просто отдача от этих вложений была скорее символической, нежели хозяйственной¹⁷. Но ведь денег в регион шло действительно много. Поступавшие из бюджета и от госмонополий суммы на несколько порядков превышали размеры совокупной региональной экономики конца 1990-х годов¹⁸. Что же было не так?

¹⁷ *Минакир и Прокапало 2007.*

¹⁸ *Исаев 2017.*

Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего необходимо вспомнить, как были организованы региональная экономика и общество до «поворота на Восток». Одному из авторов данной статьи уже приходилось об этом писать¹⁹. Однако для сохранения логики изложения целесообразно зафиксировать здесь некоторые наиболее важные моменты.

¹⁹ *Бляхер 2010а.*

В начале 1990-х годов военная экономика региона-крепости советского периода, жестко завязанная на Дальневосточный военный округ (ДВО), фактически рухнула. Но именно в ее рамках существовала бóльшая часть рабочих мест на Дальнем Востоке. На ней держалась «социалка». Именно «оборонка» выступала заказчиком в системе профессионального образования, вокруг нее строились и дополнительные отрасли хозяйства, нацеленные на жизнеобеспечение населения. Сворачивание ДВО и предприятий ВПК оказалось для региона чуть ли не катастрофой. Население частью покинуло территорию, лишившись работы, частью перешло в режим выживания, связанный с приграничной

²⁰ Митченко 2013.

торговлей, переориентировалось на добычу и экспорт сырья, некоторые другие формы хозяйственной активности²⁰.

²¹ См. Бляхер 2000: 16—23.

Одной из важнейших проблем того периода стала проблема доверия. О недоверии к партнерам и контрагентам («кидают») говорили почти все респонденты²¹. В ситуации обвала общесоюзной («советский народ») и региональной («крепость страны на Востоке») идентичности доверие было явлением редким.

²² Подробнее см. Волков 2012.

В нормальной ситуации государство выступает главным и единственным производителем крайне ценного продукта — порядка, обладая монополией на легитимное насилие. Именно наличие такого «легитимного насильника» делает необходимым соблюдение правил и договоров. Государство принуждает к их исполнению, осуществляет enforcement²². Но в первой половине 1990-х годов государство просто не видело новых хозяйственных практик и отношений. Еще продолжавшие действовать советские законы в принципе не давали такой возможности. Соответственно, возникала острейшая потребность в силовом предпринимателе (энфорсере) — производителе порядка.

Это было время господства криминальных «крыш», в условиях вакуума силы взявших на себя функцию энфорсера. Именно эти силовые предприниматели в первой половине 1990-х годов обеспечивали исполнение договоров, хозяйственные трансакции, «решение вопросов» с властью и т.д. Обеспечивали они и какой-то порядок на улицах городов, которые контролировали. Там, где появлялась организованная преступность, резко сокращалась неорганизованная.

²³ Бляхер 2010б.

Однако этот период оказался недолгим. Как только региональный бизнес перерос уровень ларьков и небольших магазинчиков, услуги криминальных «крыш» перестали его удовлетворять. Ведь криминальные авторитеты, решавшие на своих сходках судьбы страны, были по большей части плодом воображения авторов боевиков и кинорежиссеров. В реальности криминал был вполне локальным феноменом, практически никогда не выходящим за пределы отдельного поселения²³. Попытки распространить влияние на соседний город легко блокировались местным криминалом.

В результате криминальный энфорсер становился бесполезен при трансакциях между городами, в которых все больше нуждались хозяйствующие субъекты. Еще хуже обстояло дело с легальностью и легитимностью бизнес-операций. В условиях, когда основным торговым партнером дальневосточного бизнеса был стремительно развивавшийся Китай, отсутствие легальности создавало серьезные проблемы. Неустранимые изъяны предшествующего энфорсера породили потребность в появлении нового силового предпринимателя, способного предложить более качественные услуги. В этой роли выступили губернаторы. Стоит отметить, что губернатор 1990-х годов и губернатор современный — две качественно разные должности. Взяв, в соответствии с ельцинским призывом, столько суверенитета, сколько мог проглотить, губернатор 1990-х был полновластным хозяином территории, как

правило контролировавшим ее ключевые отрасли. Он обеспечивал хозяйствующему субъекту не только необходимый уровень легитимности и определенную степень легальности, но и льготный режим работы, фактически приближавшийся к режиму порто-франко. Конечно, этот режим предоставлялся только «своим». «Свои» и вытесняли криминального энфорсера и его «кормовую базу» в маргинальные зоны.

При этом в выигрыше оказывался не только «губернаторский» бизнес, но и население региона. Во-первых, получая и подтверждая свою легитимность на выборах, губернатор был вынужден проводить активную социальную политику. Губернаторские программы, в отличие от более поздних федеральных, были адресными и эффективными, поскольку базировались не на статистике, о недостоверности которой не писал только ленивый²⁴, а на знании реального положения дел. Ведь ошибка либо неточность в постановке задач могли стоить губернатору власти — или, во всяком случае, серьезно осложнить его положение. Более того, эти программы были намного дешевле, поскольку у себя губернатор не воровал.

²⁴ См., напр. Моляренко 2019.

Но было и во-вторых. Режим «свободной торговли» для экономических игроков региона обеспечивался на месте. Именно «на месте» (в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Уссурийске и т.д.) нужно было договариваться с «региональным бароном» или его представителем. Было необходимо участвовать в местных политических играх, лично знать основных игроков и «дружить» с ними. Как следствие, богатые люди, хотели они этого или нет, были вынуждены жить в регионе. В тот период из региона уезжали в основном аутсайдеры, проигравшие в региональной игре.

Поскольку богатые и очень богатые оставались на территории, им приходилось инвестировать в нее. И не только из любви к малой родине или по принуждению губернатора. Просто они там жили. А раз так, им требовалось комфортабельное жилье (импульс для строительной отрасли), более или менее приличные дороги (импульс для дорожного строительства). Они были не прочь посидеть в уютном кабачке, побывать на хорошем концерте. Соответственно, шли вливания в культуру и индустрию гостеприимства. Не были забыты и образование со здравоохранением — детей-то надо учить, да и с каждым насморком в Сеул не слетаешь. В результате к рубежу веков была создана относительно дешевая, но вполне эффективная социальная инфраструктура. Не везде. Но региональные столицы и крупные города стали обретать не только относительно высокий уровень комфорта, но и определенный лоск.

За первые два десятилетия XXI в. положение принципиально изменилось. Отмена выборности, а затем возвращение ее, но с заметными ограничениями, сокращение прав регионального главы, появление опции «утрата доверия» качественно изменили источник легитимности и значение губернаторского корпуса России.

Не то чтобы в 1990-е годы федеральный центр совсем не играл никакой роли. Именно там получали услуги энфорсера естественные

монополии. Ни один губернатор не мог предоставить такие услуги РЖД или, скажем, банковской системе. Но основой легитимности было все-народное (в рамках субъекта Федерации) избрание, а ключевым инструментом — контроль над ведущими отраслями региональной экономики. Губернатор 1990-х был представителем территории, в рамках федеративного государства артикулировавший и отстаивавший ее интересы. Не случаен главный лозунг хабаровского губернатора Ишаева, занимавшего этот пост с 1991 по 2009 г.: «Моя партия — Хабаровский край». Политические партии, законодательные органы федерального уровня и прочие элементы политической структуры осмыслились только как инструменты защиты интересов территории.

Изменение системы распределения налогов между центром и субъектами Федерации, резкое сокращение полномочий глав регионов, жесткий и постоянно усиливающийся контроль со стороны силовых структур и надзорных органов федерального уровня превратили губернатора в чиновника среднего звена. Он лишь распределял трансферты из федерального бюджета или иных санкционированных Москвой источников по заранее установленным статьям. Источником легитимности новых губернаторов было не столько избрание, даже когда выборы вернулись, сколько «доверие президента», одобрение профильных министерств, реально контролирующих регион, наличие федерального патрона.

В ситуации, когда все правила игры определяются в центре и из него же идут основные финансовые потоки, а губернатор перестает быть ключевым энфорсером, проживание богатых людей в регионе теряет смысл. Если в 1990-е годы Дальний Восток покидали аутсайдеры, то в новом столетии начинается массовый исход фаворитов, решивших, что гораздо эффективнее находиться в начале финансового потока, нежели в его завершении (в сильно уменьшившемся виде). Исчезают губернаторские программы, ориентированные на население, исчезают и частные (инициативные) инвестиции в регион местного бизнеса.

Это отнюдь не означает прекращения социальной поддержки населения. В абсолютных цифрах она даже увеличивается. Просто она становится гораздо менее адресной (адресность определяется внешней структурой), гораздо жестче контролируемой, гораздо слабее связанной с реальными нуждами жителей территории. Региональные лидеры 1990-х годов, для которых «не хватило места», уезжают из региона или из страны, используя для облегчения миграции сложившиеся землячества. Тем самым сбрасывается «человеческий материал», способный взорвать ситуацию.

Важно и то, что наличие в регионе в 1990-х годах серьезного бизнеса создавало возможности для развития малого предпринимательства. Люди не получали деньги, а зарабатывали. Теперь эти возможности существенно сокращаются, как и сам малый бизнес, не связанный с бюджетными потоками. Конечно, Хабаровск остается «городом чиновников». Это достаточно высокооплачиваемые люди, чьи зарплаты по-прежнему инвестируются в регион. Но в целом условий для бизнеса

становится все меньше. Не возрастает, а снижается и количество реальных рабочих мест.

«Конечно, у нас строят заводы, дороги, мосты. Все красиво. Только, скажите на милость, сколько там задействовано местных фирм, просто местных людей? Процента два работников. И это не инженеры, не проектировщики, даже не рабочие. Это охранники. В лучшем случае водители. Сейчас собираются мост на Сахалин строить. Угадайте с трех раз, сколько там задействовано местных? Правильно: ни одного. Чему тут радоваться? Нас из собственного дома вытесняют» (женщина, 35 лет, в митингах не участвовала).

«Видите ли, нам говорят, что в регионе нет, мол, таких специалистов. Но это полная ерунда. Мы готовим всю необходимую здесь линейку специальностей. Не только инженеры. Мы сохранили в 90-е годы все основные училища и техникумы. Все у нас есть. Просто им это не надо. Это ведь нужно трансформировать свою управленческую структуру под регион. Оплачивать контракты после выполнения, а не через год. Проще привезти турок, как в Амурской области, или узбеков, как в Приморье» (мужчина, 63 года, в митингах не участвовал).

И все это происходит на фоне рассказов о процветающем Дальнем Востоке — и отдаляющегося от территории губернатора, ориентированного на создание благополучной картинки намного больше, чем на нужды подведомственного населения.

Наверное, если бы удалось как-то разделить «внешнюю» и «внутреннюю» картинку, эти действия воспринимались бы местными жителями не так болезненно. Но ситуацию, когда людям с телеэкрана рассказывают о том, как они замечательно живут, оставляя тем, кто живет не совсем замечательно, связывать свое не блестящее положение с собственной никчемностью, трудно назвать комфортной. Особенно с учетом постоянно сжимающегося рынка труда, усиления запретительных мер, разрушения привычного уклада жизни.

Это и привело к мощной волне протестного голосования в 2018 г. «Сдать» оппозиции Приморский край центр не решился. Слишком много было вложено во Владивосток, по сути выступающий главной, если не единственной «витриной» успехов Дальнего Востока. Под предлогом фальсификаций результаты второго тура (на которых коммунист Андрей Ищенко фактически опередил единоросса Андрея Тарасенко) отменили. Был найден «почти свой» Олег Кожемяко, на тот момент губернатор Сахалина, влиты гигантские средства... и проблема была решена. На новых выборах победил ставленник центра.

На Хабаровский край ресурсов не хватило. Возможно, его сочли менее ценным камнем в федеральной короне. Может быть, понадеялись на небольшой разрыв между лидером первого тура Фургалом и «правильным» кандидатом — губернатором-инкумбентом Вячеславом Шпортом, а также на полную незаинтересованность лидера гонки в победе. Так или иначе, во втором туре Шпорт с треском проиграл, набрав

в два с лишним раза меньше голосов, чем его соперник. По субъективным впечатлениям одного из авторов этой статьи, присутствовавшего на инаугурации Фургала, победитель был больше ошарашен своей победой, чем проигравший своим поражением. Тем не менее оно свершилось: губернатором стал несогласованный кандидат.

На первых порах он так и воспринимался: «главное — не „Единая Россия“».

«Мы не за Фургала голосовали. Его почти никто особо и не знал. Какой-то депутат. Что-то химичит в Комсомольске. Нам было важно, чтобы не прошел Шпорт. Вот он конкретно всех достал» (мужчина, 42 года, участник митингов).

Но Фургал оказался достаточно умелым политиком. Он начал сокращать накопившийся за предшествующие годы гигантский долг регионального бюджета, приступил к проверке договоров по рыболовству на Амуре, ставших одной из причин возмущения предыдущей администрации. Использовал он и традиционную для россиян нелюбовь к чиновникам. Были резко сокращены расходы на полеты бизнес-классом, урезаны пенсии госслужащим, проведено несколько «публичных порок» высокопоставленных работников администрации. И все это под камеру, причем с максимальным распространением не на телеэкранах, а в социальных сетях. Там, где красивого ответа не находилось, а это большая часть хозяйственных проблем региона, Фургал предлагал «подумать вместе», спокойно признаваясь в том, что не знает, как эту проблему решить.

Подобные действия встретили понимание и одобрение населения, что отчетливо проявилось на выборах в Законодательную думу края и муниципальные органы. Голосовали даже не за конкретные персоналии, как было все постсоветские годы. Голосование шло «за Фургала». Технический кандидат, случайно оказавшийся в губернаторском кресле, постепенно превращался в «наш выбор». Для значительной и, что важно, наиболее активной части жителей края он стал символом — «народным губернатором». И дело здесь не только и не столько в хозяйственных успехах Фургала. Особых успехов, да и ресурсов, чтобы их достичь, у него не было. И здесь вырисовывается еще одна и, как нам представляется, наиболее существенная грань проблемы — региональная идентичность.

Грань треть: Я/Мы — Хабаровский край

²⁵ См. Зверева
2009.

Становление новых идентичностей и в масштабах страны, и на уровне регионов являлось едва ли не ключевой проблемой общественно-политического дискурса на протяжении всего постсоветского периода²⁵. По разным причинам, анализ которых не входит в задачи настоящей статьи, общенациональная политическая идентичность («россияне») не сложилась. Точнее, вполне оформившись в рамках господствующего дискурса и будучи подкреплена санкциями из соответствующих статей Уголовного кодекса, она не была «присвоена».

²⁶ Дзеранов 2015.

²⁷ Гражданское общество 2004.

²⁸ См. Каспэ 2007.

С «россиянами» не идентифицировались. По существу, основой официальной политической идентичности новой России стал советский концепт «многонациональный народ», несколько трансформированный с помощью понятий «русская цивилизация» и «русский мир»²⁶. Все другие варианты (например, этногосударственная идентичность²⁷) были сочтены в том или ином отношении опасными. Подобная ситуация в федеративном государстве, да и в империи²⁸, не критична, но предполагает наличие некоей сверхидеи, выступающей оболочкой для региональных идентичностей и базирующейся на более или менее очевидной и общей сакральности. Однако в данном случае выделенные и одобренные сверху ценностные «скрепы» оказались немногочисленными, не скрепляли.

²⁹ Новиков 2009.

Отсутствие сакральной оболочки для общероссийской идентичности на фоне крушения или размывания региональных идентичностей советского периода и привело к атомизации общества²⁹, стремлению заменить отсутствовавшее коллективное тело (воображаемое общество) личным доверием и системой персональных контактов. За исключением нескольких этнических республик в составе России, не складывались и региональные идентичности. Попытки выстроить их по принципу «национальная по форме и социалистическая по содержанию» понимания у населения не нашли. Иные же модели, зарождавшиеся в начале 1990-х годов, воспринимались как сепаратизм и посягательство на целостность страны. В результате возникла гигантская страна, где в качестве основания политической нации все активнее выдвигалась идентичность исчезнувшего государства. Не имея возможности идентифицировать себя в публичном пространстве, население страны переходило в режим атомизированного существования и активности в «серых» квазипубличных зонах.

³⁰ Колесниченко 2013.

Именно так обстояло дело и на Дальнем Востоке. Практически весь советский период, начиная с 30-х годов XX в., регион, по сути, был придатком ДВО³⁰. Соответствующей была и самоидентификация его жителей. Самосознание гарнизона осажденной крепости, солдат форпоста СССР на Востоке было если не всеобщим, то наиболее массовым и официально признанным. Но наш противник нам изменил. В рамках нового мышления и последующей попытки дружить со всем миром ДВО начинает стремительно сворачиваться. Закрываются военные части, пустеют военные городки. В этих условиях обесмысливается — и экономически, и политически — существование предприятий ВПК. В городах Дальнего Востока появляются китайцы (враг проник за стены крепости). Рушится региональная идентичность.

Период «длинных 90-х» (1991—2007 гг.) не привел к ее воссозданию. Он оказался «молчащим» временем. Точнее, идентичность в ее посткатастрофической версии (мы те, кто сумел выжить) сложилась, но публичного дискурса не породила. Может, не только потому, что ресурсы федерального центра намного превосходили ресурсы «губернаторской экономики», но и в надежде на появление (воссоздание)

региональной идентичности, на новую востребованность «поворот на Восток» был крайне позитивно воспринят населением, особенно той его частью, которая застала советскую эпоху. Но интерес к региону, как выяснилось, отнюдь не предполагал интереса к его жителям. Их просто не заметили.

Конечно, было бы ошибкой при анализе хабаровских протестов игнорировать социально-экономические сложности и неурядицы, связанные с «ускоренным развитием Дальнего Востока». Но ставить их во главу угла тоже едва ли правомерно. Дело в том, что Хабаровск, отремонтированный и отреставрированный при Ишаеве, остается одним из наиболее комфортных для проживания городов региона. При всей неповоротливости и неуклюжести государственной социальной политики, она пусть не без огрехов, но действует³¹. Наличие в городе большого числа высокооплачиваемых государственных (военных и гражданских) служащих создает возможности для предпринимательства. Да и самих бюджетных рабочих мест стало больше. Бесспорно, это не компенсирует все потери. Но говорить о катастрофической ситуации, обнищании и прочих бедствиях в крае пока не приходится. Есть другая проблема, уже непосредственно связанная с политикой, с «народным губернатором» и его защитой, — проблема политической субъектности и политического участия³², основой для которого являются обманутые надежды.

При обсуждении политической субъектности российские исследователи обычно говорят о государстве, о политических партиях и деятелях³³, в лучшем случае — о сравнительно небольшой группе активных граждан. Применительно к отдельным регионам, особенно российским, речь, как правило, идет о региональных элитах³⁴. При этом под региональными элитами по традиции понимаются ключевые хозяйственные игроки, возглавляемые губернатором. То, что сегодня региональные хозяйственные игроки чаще всего оказываются не более чем «приказчиками» всероссийских холдингов, а губернатор — представителем администрации президента, почти не обладающим ни собственной легитимностью, ни ресурсами, от взгляда исследователей как-то ускользает.

Что касается населения, то во всех этих построениях ему отводится место политического объекта³⁵. О его благополучии заботятся, им манипулируют, ему внушают, его возглавляют. Никаких собственных интересов, во всяком случае — сформулированных, за ним не признается.

В своей классической работе «Политическое участие»³⁶ Лестер Милбрэт и Мадан Лал Гоэль выделяют три типа отношения к политике, подразделяя людей на «равнодушных» (apathetics), «зрителей» (spectators) и «гладиаторов» (gladiators). Первые дистанцируются от политики, стремятся жить частной жизнью. Вторые следят за политическими событиями, голосуют на выборах, обсуждают политические проблемы. Однако лишь третьи являются активными участниками политического процесса — они выдвигаются на политические должности, участвуют в митингах и собраниях, входят в избирательные штабы и т.п.

³¹ Найден и Грицко 2016

³² Conge 1988.

³³ Колядин 2015.

³⁴ Бекбосынов 2009.

³⁵ Гомеров 2016.

³⁶ Milbrath and Goel 1977.

Если соотнести видимое поведение жителей края с триадой Милбрэта и Гоэля, то получится что-то похожее на регион «равнодушных». С начала «нулевых» годов большая часть населения практически не проявляла какого-либо интереса к политике. Она игнорировала выборы, а если и приходила на избирательные участки, то лишь под административным или пропагандистским давлением. Даже «зрителей», как-то реагирующих на электоральные процессы или политические решения, было довольно мало, не говоря уже о «гладиаторах», выходящих на протестные акции, участвующих в выборах в качестве кандидатов или наблюдателей и т.д. До самого недавнего времени это положение сохранялось. Собственно, и в 1990-е годы оно было во многом таким же. Это и породило представление о России как о демократии «с прилагательным», когда речь о демократии еще в принципе шла³⁷.

³⁷ Шумова 2015.

Но у Марвина Эллиотта Олсена есть очень важная в контексте рассматриваемой нами проблемы мысль о возможности не только традиционных форм участия граждан, но и нетрадиционных, не вписывающихся в привычные институциональные рамки³⁸. В условиях более или менее откровенно симулятивной природы основных политических институтов в стране именно анализ этих нетрадиционных форм политического участия открывает возможность для осмысления того, что изменилось при переходе от «лихих 90-х» к «стабильным нулевым» в плане политической субъектности населения — во всяком случае, населения Хабаровского края. Этот подход, как нам кажется, позволяет понять, почему случайно избранный на волне протестного голосования губернатор превратился в «наш выбор». О чем же идет речь? Вернемся к краю в эпоху правления «региональных баронов»³⁹, когда термин «региональные элиты» еще был вполне осмысленным.

³⁸ См. Olsen 1982.

³⁹ Bliakher 2013.

Региональные элиты во главе с избранным их стараниями «региональным бароном» контролировали главные отрасли экономики края, устанавливали правила игры и предоставляли населению важнейшую для любого сообщества платную услугу — производство порядка. Но в этих условиях, привычно трактуемых в терминах местного самоуправления, на региональные элиты были наложены достаточно жесткие ограничения. Криминальные и полукриминальные «крыши» были не уничтожены, а вытеснены в маргинальные пространства. В случае если предоставляемые властью («элитой») услуги по поддержке бизнеса или производству порядка были хуже либо дороже, чем у альтернативных энфорсеров, население вполне могло «утечь» к ним — в «серые» или «черные» зоны. Ведь в такой ситуации само население представало не объектом государственной заботы, а «уважаемыми покупателями» государственных услуг в рамках «административного рынка», описанного Симоном Кордонским⁴⁰.

⁴⁰ Кордонский 2006.

Иным словами, будучи довольно пассивными с точки зрения видимых и легко фиксируемых форм политического участия, жители региона, причем далеко не только предприниматели, постоянно совершали выбор между энфорсерами. И от этого выбора зависело не только дальнейшее существование различных социальных агентов, но и судьба региона.

⁴¹ Бляхер 2010а.

В условиях катастрофического распада инфраструктуры в начале 1990-х годов важным инструментом выживания становились социальные сети (в прямом и первичном смысле слова, не имеющем отношения к интернету)⁴¹, включавшие в себя до нескольких десятков участников. При этом сами социальные сети достаточно плотно пересекались, сплетались. В результате едва ли не каждый житель региона имел в числе «близких друзей» представителей как региональной элиты, так и контрэлиты (криминала). Он персонально с ними взаимодействовал. Это были в каком-то смысле «его люди», что порождало, помимо прочего, субъективное ощущение причастности к судьбе региона. Этот момент часто отмечался респондентами в интервью 1990-х годов⁴².

⁴² См. Бляхер 2000.

Но время изменилось. Федеральный центр, зависевший от регионов, выстраивавший с ними сложную систему взаимодействий, ушел в прошлое. Началась эпоха «вертикали власти». Полномочия губернаторов, их возможность влиять на региональную экономику и социум, не говоря уже о стране, уменьшились многократно. Сами губернаторы оказались поставлены под жесткий контроль силовых и иных надзирающих структур. Постепенно из политических лидеров регионов они превращались в чиновников не особенно высокого ранга — где-то на уровне заведующего отделом федерального министерства. Сложившиеся за десятилетие на Дальнем Востоке правила игры были осмыслены как засилье криминала, подлежащее искоренению. То, что попутно уничтожалась и местная экономика, на тот момент не казалось значимым. Ей на смену шли федеральные деньги, особенно активно после протестных выступлений во Владивостоке в декабре 2008 г. В этой ситуации значительная часть региональных лидеров, тех самых, кого было принято называть региональной элитой, покинула регион. Оставшиеся усиленно пытались (иногда успешно) вписаться в новые правила игры. Государственный патронаж и стал заменой субъектности. Она была замещена ростом заработной платы, появлением все новых муниципальных и государственных должностей, а также рабочих мест в контролируемых структурах.

⁴³ http://habstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population.

Но число местных жителей, востребованных новой экономикой, оказалось незначительным. Как следствие, в крае (и не только в крае) появляется все больше «лишних» людей, которые выбирают путь миграции. Им на смену прибывают жители еще более пострадавших северных территорий, граждане центральноазиатских стран. В последнее время ежегодное обновление населения в крае колеблется вокруг 50 тыс. человек⁴³, что для территории с общей численностью населения чуть более 1,2 млн достаточно серьезно.

Однако был и еще один момент, делавший положение дел в регионе в глазах его жителей особенно неприятным. Эпоха «региональных баронов» была «молчашей». Проблемы, если они возникали, решались в квазиприватном пространстве личных договоров. Публичных, да и просто коллективных форм эпоха не породила. Как не породила она и собственного дискурса. Возможно, именно поэтому при «повороте

на Восток» экономику и население региона и не увидели. Для внешнего применения (при взаимодействии с федеральным центром) существовал набор региональных страшилок, имевших довольно косвенное отношение к реальности; для внутреннего — идея защиты от московских олигархов.

На Дальнем Востоке, во всяком случае в его южной и прибрежной части, идея «защиты от Москвы» во многом вытекала из предшествующей региональной идентичности — форпост России (СССР) в Азии. Мы, жители Дальнего Востока, честно выполняли свой патриотический долг, защищали страну от возможных и невозможных агрессоров. Но страна в лице Москвы предала свою крепость, бросив ее гарнизон (население региона) на произвол судьбы. Поэтому мы и выживаем как умеем, а московские придумки нам только мешают. Это не вербализовалось. Лишь иногда прорывалось в интервью.

«Я — кадровый офицер. Служил честно. Защищал Родину. И этих гадов, которые сейчас правят бал. И что? Меня выкинули со службы, сократили. Да, я выживаю, как могу. По правилам? Не знаю. Семью кормлю. Никого не граблю, не убиваю. И кто мне имеет право законы устанавливать? Те, кто меня предал, кто выкинул из армии? Никогда» (мужчина, 39 лет, интервью 2008 г.).

В публичном пространстве что-либо подобное отсутствовало. Не появилось оно и в «нулевые годы» (впрочем, не только на Дальнем Востоке). Единственным легитимным языком публичного пространства оказался бюрократический воляпук, язык государственных программ, национальных проектов и отчетных показателей. Высказать претензии или просто описать ситуацию на этом языке не получалось. Разговор сразу переходил в русло «конкретных практических вопросов»: какие отчетные параметры плохо выполняются, какие новые отчетные параметры нужно ввести, какие убрать и т.д. Иных инструментов и тем этот язык просто не знал — и не знает. То, что любые внешние «параметры», введенные в предельно гетерогенной стране из «прекрасного далёка», воспринимаются как насилие, было вытеснено в область непоименованного.

Население региона превращалось в объект, нужды которого, быть может, учтут. А может, и не учтут. Объект же не спрашивают — спрашивают субъектов. Таковых же в региональном пространстве не просматривалось. Собственно, в этом плане ситуация на Дальнем Востоке не слишком отличалась от ситуации в большей части регионов страны. Просто там, в том числе в Хабаровском крае, субъектность, та самая, нетрадиционная, кончилась немного позже. О ней лучше помнили. Отдаленность (географическая) от власти и идея преодоления в каком-то отношении давали возможность пусть не особенно устойчиво, но идентифицироваться. Хотя и не порождали дискурса.

Не менее важным был дополнительный раздражающий фактор — внедряемое через СМИ, выступления первых лиц и иные источники представление, что уж здесь-то чаяния населения учтены. Между тем

телевизионная картинка все больше расходилась с реальностью, вызывая растущее раздражение жителей. Особенно раздражало, что губернатор (на тот момент Шпорт), в котором по традиции видели своего представителя, переехал жить в телевизионную картинку. Его отчеты о невероятных зарплатах в крае, о стремительном росте всего и вся, о решении всех волнующих жителей проблем были восприняты не просто как ложь или политическая игра, но как предательство края, его жителей. Игнорируют не только их мнение — игнорируют сам факт их существования. Они не просто не хозяева в собственном доме — их нет, не существует.

Против «предателя» и голосовали в 2018 г. Результаты выборов осмыслились совсем не как победа Фургала. Это была победа хабаровчан. И не просто победа, но восстановление их политической субъектности.

«Я не знаю, как другие. Но когда мы во втором туре Шпорта со всеми его московскими советниками и чемоданами денег опрокинули, я себя почувствовал человеком, а не пустым местом. Кому как, а мне это важно» (мужчина, 47 года, участник митингов).

«Стало понятно после первого тура, что голос, оказывается, по-настоящему имеет значение, и сразу туда добавилась еще группа людей, которые сказали: „Ну раз говорят, что влияет, то давайте попробуем, а вдруг и правда прокатит?“ И они сделали выбор, причем выбор был против всех. Для многих был не „Фургал“ написан там, а „против всех“. Не ЛДПР, не Фургал, то есть совсем плевать» (мужчина, 36 лет, участник митингов).

Фургал и стал воплощением этой субъектности. Не как конкретный чиновник с его должностными обязанностями, призванный обеспечивать достижение «контрольных цифр» и «отчетных показателей», а как политический символ.

Понимали ли жители инструментальность «вызывания на ковер» краевых руководителей, душевных бесед Фургала с протестующими сиротами или обманутыми дольщиками под камеру? Скорее всего, понимали. Но суть состояла в том, что инструмент этот был обращен к ним, а не к внешней аудитории. Каждая PR-акция Фургала подчеркивала субъектность населения, его значимость, необходимость разговора с ним. Это было нормально для эпохи «региональных баронов», но совершенно невероятно для периода «вертикали власти», когда властные персоны если и выходят к людям, то только к специально отобранным и в специально подготовленных условиях. Поэтому ему прощали и максималную лояльность в отношении инициатив центра.

Правда, если, по замечанию одного из краевых политиков конца 1990-х годов (высказанному в интервью⁴⁴), призыв Ишаева добавлял любому кандидату не меньше 10% голосов, то призывы Фургала воспринимались более избирательно. Так, своей сокрушительной победой на выборах в краевую Думу и муниципалитеты ЛДПР была обязана скорее не Фургалу-политику, а Фургалу-символу. Довольно низкой при максимальном включении административного ресурса и прямых призывах губернатора была поддержка поправок в Конституцию РФ.

⁴⁴ Интервью было получено в ходе реализации проекта «Competition for Taxpayers: Regional Differences in Fiscal Mythology and Popular Expectations Concerning Tax Reform», осуществленного при поддержке RSS OSI/HESP (грант №1831/864/2000).

За символ, в защиту собственной субъектности и выходят жители края на протестные акции. Выходят те, кто воспринял события 2018 г. как личную победу и личное дело.

«Вот здесь как раз и произошла ситуация, что люди, которые пришли туда [на митинги], они пришли отстаивать свою собственность. Они выбрали, они поставили подпись под тем, что они владеют тем, кто здесь будет. А когда эту собственность забрали, у них украли то, чем они обладают. Фургал тут абсолютно никакого значения не имеет, кто бы там ни был, не имеет значения. Эти люди туда и вышли за этим, отстаивать свое» (мужчина, 63 года, в митингах не участвовал).

Иными словами, в результате протестного голосования 2018 г. в Хабаровском крае возникло нечто отсутствовавшее на протяжении всего постсоветского периода — коллективное политическое тело. Сложилась идентичность в масштабах региона. Элементы этой идентичности, часто случайные, вызревали давно (мы — те, кто выжил; мы — те, кто ест лососевую рыбу и икру, предпочитает японские машины всем остальным и т.д.). Но теперь к ним добавилось политическое измерение: мы те, кто имеет собственного губернатора. То, что коллективное политическое тело края воплотилось в Фургале, конечно, случайность. Но оно возникло. Возникло вопреки всей сложившейся в стране политической структуре, не предполагавшей такого поворота событий даже теоретически. После «отъема собственности» (ареста Фургала), не имея возможности воплотить себя в легальных формах, точнее, осознавая утрату этой возможности, коллективное политическое тело вышло на улицу.

Но язык улицы, язык населения — политического субъекта не просто непонятен и непереволим на чиновный язык, являющийся в России основным языком межрегионального общения. Само его наличие для носителей чиновного сознания, именуемых сегодня «политическим классом», неприемлемо, противоречит нормальному положению вещей. Тем не менее он есть, по крайней мере — в Хабаровском крае. Это понимают и представители силовых структур.

Привычный способ общения власти с протестующими здесь маловероятен. Подавление коллективного политического тела, конечно, возможно. Но слишком велики при этом потенциальные издержки. Иной же формы коммуникации режим пока не создал.

То, что люди могут хотеть денег, рабочих мест, каких-то льгот и привилегий, еще как-то укладывается в чиновном сознании. *«Ну вот ты мне скажи, чего они конкретно хотят? Свободу Фургалу? Ты же понимаешь, что этого не будет. Система назад сдавать не умеет. Денег? Льгот? Так говорите об этом. Нет. Просто устали все в карантине, вот и прорвалось. Захотелось фестиваля»* (мужчина, 51 год, государственный служащий).

Собственно, таким способом до сих пор власть и справлялась с местными возмущениями⁴⁵. Так, судя по всему, настроен действовать и врио губернатора Хабаровского края Дегтярев. Инициированное им

⁴⁵ Никитина 2019.

создание Народного совета и есть попытка перевести разговор с протестующим и не протестующим, но раздраженным населением в режим «конкретных практических шагов» по отказу от субъектности. Однако согласия населения пожертвовать ею пока не просматривается, как и готовности принять нового регионального начальника, упорно работающего на внешнюю по отношению к краю аудиторию.

Безусловно, приближающиеся холода не располагают к митингам. Но прекращение этой формы презентации политической субъектности населения с высокой долей вероятности лишь приведет к появлению новой.

* * *

Насколько типична ситуация в Хабаровске, насколько опыт хабаровчан может быть распространен на всю страну или хотя бы иные регионы? Думаем, что не типична — в том плане, что в каждом регионе сегодня своя боль, а общероссийская повестка дня отсутствует, как и люди, авторитет которых позволил бы ее сформулировать. Но в этой локальной ситуации есть нечто, что делает ее более общей.

Попытка навязать регионам, находящимся в очень разном положении, единые и жестко соблюдаемые правила игры из единого же центра, стремление выстроить максимально дирижистское государство, легитимированное «скрепами» исчезнувшего политического целого, неизбежно отбрасывают жителей страны в область политического молчания. Их интересами жертвуют. До тех пор, пока сохраняются «серые зоны», где люди могут относительно комфортно выживать, пережидая очередную государственную инициативу, пока есть ресурсы, чтобы тушить пожар деньгами, стратегия «выход» будет оставаться основной. Но по мере сокращения «серых зон» в связи с сокращением государственного пирога и усиливающейся борьбой за ресурсы ситуация все больше будет тяготеть к режиму «голос»⁴⁶.

⁴⁶ Хиршман 2009.

Именно в ходе протестных действий и предшествующих им обсуждений в социальных сетях (уже в обоих смыслах — и в интернете тоже, или даже в первую очередь в интернете) складывается региональная политическая идентичность. Складывается не в форме сложных теоретических построений, но в виде понятного и осязаемого «мы», чувства единства сообщества, далеко не всегда связанного «глаза в глаза»⁴⁷.

⁴⁷ Андерсон 2016.

Она возникает как генерализация частных характеристик, имманентно присутствовавших в региональном пространстве: мы те, кто ест икру и ловит лососевых; мы те, кто ездит на японских машинах; мы те, кто выжил в 90-е; мы те, у кого есть «народный губернатор», и т.д. Все это и сливается в единое: мы — хабаровчане (в иных вариантах — екатеринбуржцы, архангельцы и т.д.).

В далеком уже 1993 г. шанс на естественное формирование политической нации новой России в ходе диалога между регионами был упущен. Последующие действия Бориса Ельцина заложили основу современного политического режима, превратив рождавшуюся новую

Россию в постсоветское пространство, ориентированное на обживание руин прошлой, исчезнувшей политической формы. Сегодня мы имеем уникальный шанс вновь попытаться сконструировать, породить целое — российскую политическую нацию, составленную из региональных политических тел.

Их голос, возникающий по разным поводам, со стороны кажущихся случайными, становится все более слышимым. От того, сможет ли политическая наука адекватно осмыслить этот голос, придать ему форму, во многом зависит, станет ли реальностью политическая нация в России, или эксгумированная политическая ткань постсоветского пространства продолжит движение в никуда.

Библиография

Андерсон Б. (2016) *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/10/23/1110949768/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD.%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.pdf> (проверено 26.09.2020).

Бекбосынов М.Б. (2009) «Политические проблемы субъектности регионов в структуре федеративных отношений в РФ» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, № 4: 149—152.

Бляхер Л.Е. (2000) *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых*. М.: МОНФ.

Бляхер Л.Е. (2010а) «Государство и несистемные сети „желтороссии“, или Заполнение „пустого пространства“» // *Полития*, № 1 (56): 52—79. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Bliakher-2010-4.pdf (проверено 26.09.2020).

Бляхер Л.Е. (2010б) «Еще раз о „правовом нигилизме“, или Об „обычном праве“ на постсоветском Дальнем Востоке» // *Полития*, № 3—4 (58—59): 192—206. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyakher-2010-3-4.pdf (проверено 26.09.2020).

Бляхер Л.Е. (2017) *Стратегии выживания в условиях кризиса: предприниматели Дальнего Востока и не только*. М.: Страна Оз.

Васильева А. (2020) «„Был бы говенный губернатор, за него бы не вышли“: Почему Хабаровский край бунтует уже целый месяц» // *Коммерсантъ*, 09.08. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4449269> (проверено 26.09.2020).

Волков В.В. (2012) *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономико-социологический анализ*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гирш А. (2020) «СК раскрыл подробности уголовного дела против губернатора Хабаровского края» // *Ведомости*, 16.07. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834753-sk-raskril-podrobnosti-dela-habarovskogo-gubernatora> (проверено 26.09.2020).

Гомеров И.Н. (2016) «Политическая субъектность России» // *Развитие территорий*, № 2 (5): 46—58.

«Гражданское общество и правовое государство: Патриотизм и национализм». (2004) // *Общественные науки и современность*, № 4: 71—86. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867435/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.pdf> (проверено 26.09.2020).

Дзеранов Т.Е. (2015) «Россия: нации и цивилизация» // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, № 12: 1354—1358. URL: <https://applied-research.ru/pdf/2015/12-7/8152.pdf> (проверено 26.09.2020).

Зверева Г.И. (2009) «Как „нас“ теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России» // *Вестник общественного мнения*, № 1: 72—85. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.1_99.pdf (проверено 26.09.2020).

Ионова Ю.Г. (2017) «Анализ результатов государственных программ по освоению и развитию Дальнего Востока» // *Вестник университета*, № 6: 53—59. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/747/170> (проверено 26.09.2020).

Исаев А.Г. (2017) «Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики» // *ЭКО*, № 4: 61—77.

Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.

Кильдюшов О.В. (2019) «Из горожан в граждане: власть и массовые протесты» // *Вопросы национализма: Журнал научной и общественно-политической мысли*, № 1 (32): 81—92.

Колесниченко К.Ю. (2013) «Военный фактор в развитии Дальнего Востока России в 1930-е—2000-е годы (на примере Приморского края)» // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 3 (23): 98—105.

Колядин А.М. (2015) *Субъектность политического класса и его социальная значимость*. СПб.: Фонд «Университет». URL: <http://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2013/12/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D0%B4%D0%B8%D0%BD-pb.pdf> (проверено 26.09.2020).

Кордонский С.Г. (2006) *Рынки власти: Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ. URL: <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/kordonsky.org/01.pdf> (проверено 26.09.2020).

Ларин В.Л. (2018) «Тихоокеанская Россия в „Большой Евразии“ начала XXI века: вызовы и ответы» // *Историческая и социально-образовательная мысль*, № 3/1: 45—57. URL: <http://hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/3447/3102> (проверено 26.09.2020).

Минакир П.А. и О.М.Прокапало. (2007) «Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы» // *Вестник Дальневосточного отделения РАН*, № 5: 13—21.

Митченко А.В. (2013) «Изменение социальной и экономической структуры общества на Дальнем Востоке в 90-е годы XX века» // *Территория новых возможностей*, № 1 (19): 56—63.

Моляренко О.А. (2019) «Формирование государственной статистики: взгляд „снизу“» // *ЭКО*, № 10: 8—34. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/308106063> (проверено 26.09.2020).

Найден С.Н. и М.А.Грицко. (2016) «Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки» // *Регионалистика*, т. 3, № 6: 6—22.

Никитина Б.А. (2019) «„Зимняя вишня“ и полигон „Ядрово“ как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного» // *Вестник Института социологии*, т. 10, № 1: 29—57. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_28/Nikitina.pdf (проверено 26.09.2020).

Никифоров Я.А. (2018) «Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение» // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*, т. 18, вып. 2: 120—123.

Новиков А.С. (2009) «Атомизация общества и ее роль в становлении „общества масс“» // *Теория и история*, № 2: 192—197.

Соколова А.Д., М.В.Головина и Е.К.Семирханова. (2012) «„Бандерлоги“ на проспекте Сахарова: социологический портрет» // *Антропологический форум*, № 16: 127—134. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/sokolova_golovina_semirkhanova2.pdf (проверено 26.09.2020).

Хайкин С.Р. и Н.П.Попов. (2012) «Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 4: 14—28.

Хиршман А.О. (2009) *Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Либеральная миссия.

Чмель К.Ш., А.М.Климова и Е.М.Митрохина. (2020) «Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 18, № 1: 83—98.

Шитова Е.Н. (2015) «„Демократии с прилагательными“ в политологическом дискурсе: место Латинской Америки и постсоветского пространства на теоретической карте мира» // *Мировая политика*, № 2: 45—63.

Bliakher L.E. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Congee P.J. (1988) «The Concept of Political Participation: Toward a Definition» // *Comparative Politics*, vol. 20, no. 2: 241—249.

Milbrath L.W. and M.L.Goel. (1977) *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally.

Olsen M.E. (1982) *Participatory Pluralism: Political Participation and Influence in the United States and Sweden*. Chicago: Nelson-Hall.

СОУЗ

L.E.Bliakher, A.V.Kovalevsky

WHAT WAS IT?

PRELIMINARY REFLECTION ON KHABAROVSK RALLIES

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Andrey V. Kovalevsky — Ph.D. Student at the Pacific State University (Khabarovsk). Email: fakzy79@gmail.com.

Abstract. The Khabarovsk protest has been going on for months: first, it suddenly made headlines of the world media and then it was pushed to the periphery of the information space. The predictions about the protest fading away stubbornly refuse to come true. Maybe not tens of thousands as it was earlier, but thousands of city residents still take to the streets. Moreover, tension, uncertainty, and discontent persist in the air. Dozens of articles and many reports have been written about Khabarovsk, and even a full-length documentary has been released. Nevertheless, the question remains: why did the population of the city, who for decades preferred to distance themselves from any government's initiatives, all of a sudden switched to a strategy of protest? What part of this situation is unique to Khabarovsk, and where do we observe more general patterns? This article is devoted to finding answers to these questions.

Having examined the main facets of the events unfolding in Khabarovsk, L.Bliakher and A.Kovalevsky come to the conclusion that these events are about the most important political phenomenon — formation of the political agency of the population that for many years has been reduced to the position of an object. In the case of Khabarovsk, residents started to perceive themselves as a political agent after the 2018 protest voting. In this situation, people began to view the ex-governor of the Khabarovsk region not so much as a good — or not very good — leader, but rather as a symbol of acquiring political agency, which became a key element of regional identification, formation of the local community. That is why his arrest was perceived by the residents of the region as a personal insult. And it is their identity that they defend on the streets of Khabarovsk.

Keywords: political protest, Far East, Khabarovsk, political agency, regional identity

References

Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/10/23/1110949768/%D0%90%D0%BD>

%D0%B4%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD.%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Bekbosynov M.B. (2009) “Politicheskie problemy sub’ektnosti regionov v structure federativnykh otnoshenij v RF” [Political Problems of Subjectivity of Regions in Structure of Federal Relations in the Russian Federation] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University: History and Political Sciences], no. 4: 149–152. (In Russ.)

Bliakher L.E. (2000) *Izmenenie povedenija ekonomicheski aktivnogo naselenija v uslovijakh krizisa: Na primere melkikh predprinimatelej i samozanjatykh* [Behavior Change of the Economically Active Population in a Crisis: On the Example of Small Entrepreneurs and the Self-Employed]. Moscow: MONF. (In Russ.)

Bliakher L.E. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.

Bliakher L.E. (2017) *Strategii vyzhivaniya v uslovijakh krizisa: predprinimateli Dal'nego Vostoka i ne tol'ko* [Survival Strategies in Crisis Situation: On Far East Entrepreneurs and Not Just on Entrepreneurs]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)

Blyakher L.E. (2010a) “Gosugarstvo i nesistemnye seti „zheltorossii“, ili Zapolnenie „pustogo prostranstva“” [State and Nonsystemic Networks of “Yellowrussia”, or Filling in Empty Space] // *Politeia*, no. 1 (56): 52–79. http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Bliakher-2010-4.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Blyakher L.E. (2010b) “Eshche raz o „pravovom nigelizme“, ili Ob „obychnom prave“ na postsovetском Dal'nem Vostoke [More on “Legal Nihilism”, or “Natural Law” in the Post-Soviet Far East] // *Politeia*, no. 3–4 (58–59): 192–206. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyakher-2010-3-4.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Chmel K.Sh., A.M.Klimova, and E.M.Mitrokhina. (2020) “Politizatsija ekologicheskogo diskursa v Arkhangel'skoj oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligona okolo stantsii Shies” [Politicization of Environmental Discourse in the Arkhangelsk Region on the Example of the Construction of a Landfill Near the Shies Station] // *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 18, no. 1: 83–98. (In Russ.)

Conge P.J. (1988) “The Concept of Political Participation: Toward a Definition” // *Comparative Politics*, vol. 20, no. 2: 241–249.

Dzeranov T.E. (2015) “Rossija: natsii i tsivilizatsija” [Russia: Nations and Civilization] // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 12: 1354–1358. URL: <https://applied-research.ru/pdf/2015/12-7/8152.pdf> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Girsh A. (2020) “SK raskryl podrobnosti ugovnogo dela protiv gubernatora Khabarovskogo kraja” [Investigative Committee Revealed Details of the Criminal Case against the Governor of the Khabarovsk Region] // *Vedomosti*,

16.07. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834753-sk-raskril-podrobnosti-dela-habarovskogo-gubernatora> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Gomerov I.N. (2016) “Politicheskaja sub’ektnost’ Rossii” [Political Subjectivity of Russia] // *Razvitie territorij* [Territorial Development], no. 2 (5): 46–58. (In Russ.)

“Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: Patriotism i natsionalizm” [Civil Society and the Rule of Law: Patriotism and Nationalism] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Modernity], no. 4: 71–86. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867435/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.pdf> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Hirschman A.O. (2009) *Výkhod, golos i vernost’: Reaktsija na upadok firm, organizatsij i gosudarstv* [Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States]. Moscow: Liberal’naja missija. (In Russ.)

Ionova Yu.G. (2017) “Analiz rezul’tatov gosudarstvennykh program po osvoeniju i razvitiju Dal’nego Vostoka” [Analysis of Results of State Programs on Development of the Far East] // *Vestnik universiteta* [University Herald], no. 6: 53–59. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/747/170> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Isaev A.G. (2017) “Territorii operezhajushchego rasvitija: novyj instrument regional’noj ekonomicheskoy politiki” [Territories of Advanced Development: a New Tool for Regional Economic Policy] // *ECO*, no. 4: 61–77. (In Russ.)

Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja skola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

Khaikin S.R. and Popov N.P. (2012) “Protestnye nastroyeniya na Severnom Kavkaze: obshchee i osobennoe” [Protest Moods in Northern Caucasus: the General and the Particular] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 4: 14–28. (In Russ.)

Kildyushov O.V. (2019) “Iz gorozhan v grazhdane: vlast’ i massovye protesty” [From Townsmen to Citizens: Power and Mass Protests] // *Voprosy natsionalizma: Zhurnal nauchnoj i obshchestvenno-politicheskoy mysli* [Studies in Nationalism: The Journal of Scholarly and Socio-Political Thought], no. 1 (32): 81–92. (In Russ.)

Kolesnichenko K.Yu. (2013) “Voennyj faktor v razvitii Dal’nego Vostoka Rossii v 1930-e–2000-e gody (na primere Primorskogo kraja)” [The Military Factor in the Development of the Russian Far East in the 1930s–2000s (Case of Primorsky Region)] // *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri*

i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East], no. 3 (23): 98–105. (In Russ.)

Kolyadin A.M. (2015) *Sub'ektnost' politicheskogo klassa i ego sotsial'naja znachimost'* [Subjectivity of the Political Class and Its Social Significance]. St Petersburg: Fond "Universitet". URL: <http://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2013/12/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D0%B4%D0%B8%D0%BD-pb.pdf> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2006) *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI. URL: <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/kordonsky.org/01.pdf> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Larin V.L. (2018) "Tikhookeanskaja Rossija v „Bol'shoj Evrazii“ nachala 21 veka: vyzovy i otvety" [Pacific Russia in the "Greater Eurasia" at the Beginning of 21st Century: Challenges and Responds] // *Istoricheskaja i sotsial'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], no. 3/1: 45–57. URL: <http://hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/3447/3102> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Milbrath L.W. and M.L.Goel. (1977) *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally.

Minakir P.A. and O.M.Prokapalo. (2007) "Dal'nij Vostok: real'nye strategii i mnimye programmy" [The Far East: Real Strategies and Imaginary Programmes] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 5: 13–21. (In Russ.)

Mitchenko A.V. (2013) "Izmenenie sotsial'noj i ekonomicheskoy struktury obshchestva na Dal'nem Vostoke v 90-e gody 20 veka" [Changing Social and Economic Structure of Society in the Far East in the 90s of the 20th Century] // *Territorija novykh vozmozhnostej* [The Territory of New Opportunities], no. 1 (19): 56–63. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2019) "Formirovanie gosudarstvennoj statistiki: vzgljad „snizu“" [Generating State Statistics: A View from "Below"] // *ECO*, no. 10: 8–34. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/308106063> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Naiden S.N. and M.A.Gritsko. (2016) "Reaktsija regional'noj sotsial'noj sistemy na institutsional'nye i investitsionnye shoki" [Reaction on Regional Social System on Institutional and Investment Shocks] // *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 3, no. 6: 6–22. (In Russ.)

Nikiforov Ya.A. "Doverie k vlasti v regional'nom kontekste: sotsiologicheskoe ismerenie" [Trust in the Authorities in the Regional Context: Sociological Measurement] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Sotsiologija. Politologija* [Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Politicalology], vol. 10, issue 2: 120–123. (In Russ.)

Nikitina B.A. (2019) "„Zimnjaja vishnja“ i poligon „Jadrov“ kak dve storony odnoj medalii: slozhnosti osmyslenija ochevidnogo" ["Zimnyaya Vishnya" and the "Yardovo" Landfill as Two Sides of the Same Coin: Difficulties in Comprehending the Obvious] // *Vestnik Instituta sotsiologii*

[Bulletin of the Institute of Sociology], vol. 10, no. 1: 29–57. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_28/Nikitina.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Novikov A.S. (2009) “Atomizatsiya obshchestva i ee rol’ v stanovlenii „obshchestva mass”” [Atomization of Society and Its Role in the Formation of “Mass Society”] // *Teoriya i istoriya* [Theory and History], no. 2: 192–197. (In Russ.)

Olsen M.E. (1982) *Participatory Pluralism: Political Participation and Influence in the United States and Sweden*. Chicago: Nelson-Hall.

Shitova E.N. (2015) “„Demokratii s prilagatel’nymi“ v politologicheskoy diskurse: mesto Latinskoj Ameriki i postsovetsskogo prostranstva na teoreticheskoj karte mira” [“Democracy with Adjectives” in the Discourse of the Political Science: the Place of Latin America and the Post-Soviet Space on the Theoretical World Map] // *Mirovaja politika* [World Politics], no. 2: 45–63. (In Russ.)

Sokolova A.D., M.V.Golovina, and E.K.Semirkhanova. (2012) “„Banderlogi“ na prospekte Sakharova: sotsiologicheskij portret” [“Bandar-Logs” in Sakharov Prospect: a Sociological Portrait] // *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], no. 16: 127–134. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/sokolova_golovina_semirkhanova2.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Vasil’eva A. (2020) “„Byl by govennyj gubernator, za nego by ne vyshli“: Pochemy Khabarovskij kraj buntuet uzhe tselyj mesjats” [“If He Was a Shitty Governor, They Wouldn’t Rally for Him”: Why the Khabarovsk Region Has Been Rioting for a Whole Month”] // *Kommersant*, 09.08. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4449269> (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)

Volkov V.V. (2012) *Silovoe predprinimatel’stvo: 21 vek: Ekonomiko-sotsiologicheskij analiz* [Power Business in the 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Zvereva G.I. “Kak „nas“ teper’ nazyvat’? Formuly kollektivnoj samoidentifikatsii v sovremennoj Rossii” [What Are “We” to Be Called Now? Formulas of Collective Self-Identification in Contemporary Russia] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija* [The Russian Public Opinion Herald], no. 1: 72–85. URL: https://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.1_99.pdf (accessed on 26.09.2020). (In Russ.)